

Виктор Балдоржиев

Nova vita

Стихотворения. 2008—2010

Виктор Балдоржиев

**Nova vita. Стихотворения.
2008—2010**

«Издательские решения»

Балдоржиев В.

Nova vita. Стихотворения. 2008—2010 / В. Балдоржиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934176-1

Всего за два-три десятка лет на огромном пространстве, именуемом Россией, произошло полное расчеловечивание человека. Или это мне только кажется? Многие достижения эволюции исчезли в человеке, как будто их и вовсе не было. Как такое возможно? Но такие вопросы не задаёт тот, кто не забыл и продолжает почитать Слово. С этой надеждой я продолжал и продолжаю творить в Nova vita. Что в этой жизни родится и в какие сроки — неизвестно.

ISBN 978-5-44-934176-1

© Балдоржиев В.
© Издательские решения

Содержание

Просьба	6
«Как долго ждал я те минуты...»	7
«Еду я в Улан-Удэ...»	8
«Я не знаю, за что ты наказан...»	9
Мы	10
Покоя и правды...	11
По замкнутому кругу	12
Сон	13
«Пожалейте, люди, чертей...»	14
Страшная жизнь	15
Голос на сельском кладбище...	16
На Амуре	17
В новом веке	19
Новый Pushking	21
Жене	22
Хозяйственная сетка	23
Дети неба	24
Беседа	25
Блуждание	26
Не умирают во мне...	27
В эти минуты	28
Ни ругаться не надо, ни ссориться...	29
Процесс	30
Огибающая	31
Заочники	32
Это в сердце	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Nova vita

Стихотворения. 2008—2010

Виктор Балдоржиев

© Виктор Балдоржиев, 2018

ISBN 978-5-4493-4176-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всего за два-три десятка лет на огромном пространстве, именуемой Россией, произошло полное расчеловечивание человека. Или это мне только кажется? Многие достижения эволюции исчезли в человеке, как будто их и вовсе не было. Как такое возможно?

Но такие вопросы не задаёт тот, кто не забыл и продолжает почитать Слово. С этой надеждой я продолжал и продолжаю творить в Nova vita.

Что в этой жизни родится неизвестно.

2008—2010

Просьба

Мы живем среди горя и муки,
Где истерика, злоба и плач...
Отстучи на своем ноутбуке,
Пожеланье мне любви и удач!

На рассвете его прочитаю.
И усну, улыбаясь во сне,
Преисполненный светлой печалью
И мечтой о большой тишине.

«Как долго ждал я те минуты...»

Как долго ждал я те минуты,
Когда стихи мои придут,
Заполнят сутолоку будней
И вспышкой ядерной убьют

Интриги, ссоры, злобу, мненья
И войны маленьких страстей.
От этих вспышек озаренья
Не видно будней и людей...

И вот летят стихи со звоном
На крыльях ночи над землей.
И никаким Армагеддонам
Уже не справиться со мной!

«Еду я в Улан-Удэ...»

Еду я в Улан-Удэ,
Где одни жидо-монголы,
Сопки голы и не голы.
Чует сердце – быть беде!

Пассажиры невеселы,
Поле ровное, как стол.
Здесь одни жидо-монголы.
Может, я – жидо-монгол?

«Я не знаю, за что ты наказан...»

Я не знаю, за что ты наказан:
Но нет в тебе чувства вины,
И людям ничем не обязан,
И люди тебе не должны...

Какое прекрасное время
Ты создал себе самому:
А честь – только лишнее бремя,
И совесть теперь ни к чему!

И люди поверят, не сразу,
В твоё торжество правоты.
Не зная, какую проказу
Несешь им в общении ты...

Мы

Никогда хорошо мы не жили,
Жили только на грани беды.
На обочине грязи и пыли
Затеряются наши следы.

Мы не знали хорошей дороги,
Не ходили по ней никогда.
Нас всю жизнь догоняют тревоги,
И всегда настигает беда.

Мы живем, все расчетливо взвесив
И боясь ошибиться на грамм.
Где-то птицы поют в поднебесье,
Но когда бы прислушаться нам...

Покоя и правды...

Покоя и правды без крика и слова,
Где совесть и честь – отголоски мечты,
Где в грязных домах не найти домового
И сердца живого промерзшей Читы.

Где совесть, душа и правдивые люди,
Что жили всегда ожиданием весны?
И страшно и жутко, и сиротливо повсюду.
Лишь Родина в сердце, но нет в ней страны...

По замкнутому кругу

Довелось мне родиться в краю,
Где поэзию вовсе не знали,
О поэтах совсем не слышали,
И в аду жили, словно в раю.

С дальней фермы начался мой путь,
До сих пор называется Крайней,
Где Россия с гонимой Украиной
Выясняли славянскую суть...

Оттолкнувшись от зыбкой земли,
Пошагал я по белому свету,
На себя накрывая планету,
Догоняя лишь обрий вдали.

Что за ним? Но настигнув его,
Оказался на той же я ферме,
То ли черт меня гнал, то ли шельма.
И опять у меня ничего...

Лишь поэзию вынес свою...
Где Россия теперь и Украина?
Та же ферма с названием Крайний,
Где по-прежнему – словно в раю.

Ныне край, словно замкнутый круг,
Но нельзя отыскать середины.
Где же центр, когда все едины?
Где жена, где же брат или друг!

Сон

Все помешались на Чингисе
Или Чингис всех помешал...
Вот хан с глазами хищной рыси
Опять восходит на свой вал.

И долго молится. И вскоре
Молва в народе разнесет,
Что смерть тому и роду горе,
Кто все хана помянет,

Что имя хана непреложно,
Доступно только небесам,
Что помянуть его возможно,
Когда он соизволит сам...

И долго нукеры казнили,
Глупцов, нарушивших закон.
И солнце красное из пыли
Палило знойно... Этот сон

Приснился после возлияний.
Бутылка водки, как дурман.
Так пусть умрет от содроганий,
Назвавший пойло – «Чингисхан»!

«Пожалейте, люди, чертей...»

Пожалейте, люди, чертей,
Они тоже хотят быть людьми.
У них все, вроде, как у людей,
Но все чего-то нет, черт возьми!

Жаль, что до скончания дней,
Обернувшись, не стать им людьми.
Пожалейте, люди, чертей,
Люди! Будьте людьми, черт возьми...

Страшная жизнь

Что ж, выпала доля поэта,
И вот свои видишь стихи
А с ними портрет в туалете.
За что, за какие грехи?

Твои обнаженные нервы
Покрылись коростой давно.
Жопастые суки и стервы
Изводят тебя на гавно.

И ты – дорогая игрушка,
И черти играют тобой
И держат все время на мушке.
Какой дорожишь ты судьбой?

Вот этой? Да выбрось тревоги,
И с ними чертей и тюрьму.
А нужен ты только лишь Богу
И только ему одному...

Голос на сельском кладбище...

Здесь только мертвые не пьют, и стонут, плача, провода,
Давно не сеют и не жнут, и все дороги – в никуда.
Я по дорогам тем прошел. Устал, продрог, по волчьей выл.
Мне странно, мертвому, еще: с улыбкой думать, что я жил...
Что я китайский спирт хлестал, и жил угрюмым, страшным, злым.
В гробу, с улыбкой на устах, намного лучше, чем живым...

На Амуре

Надо мной ходили тучи хмуро:
Я студентом в юные года
На высоком берегу Амура
Охранял, в речном порту, суда.

Баржи, земснаряды и черпалки,
Тралы и морские невода.
Шел я в трюм за рыбой вперевалку.
А под трюмом двигалась вода...

Не дошла до родины горбуша:
На пути ее попался трал.
Иссушая, убивает суша.
Лучше повстречать девятый вал,

Где она гуляла бы на воле,
Рассекая волны. И в пути
Зрели в ней икринки. Но до боли
Радостно на родину идти!

Чрево трюма не окинуть взором,
Там мерцают в бликах темноты
В корчах мук застывшие укором
Тысячи горбуш, ощерив рты...

Жизнь прошла, как в море-океане:
Рвал колючки, тралы, невода,
Рассекая волны, плыл в тумане,
Возвращаясь к родине всегда.

Люди, выворачивая душу,
На моем пути бросали трал...
Вижу я плывущую горбушу
Прямым, на самый грозный вал.

Шторм бушуя, пенится по зыби,
И взлетая с брызгами легко,
Чутко чует трепетная рыба,
Что остались тралы далеко.

Но на самой высшей точке вала,
Совершив в полете разворот
И в пучину падая устало,
Чувствует, что родина зовет!

.....

Мне знакомы жизненные бури,
Но теперь сквозь солнечный туман:
Вижу себя юным на Амуре,
А Амур уходит в океан...

В новом веке

Вот опять живу в обшарпанной общаге.
Где ровесники, друзья или подруги?
От Нью-Йорка до Госдумы и Гулага —
Каждый пайку получает в своем круге.

Я остался у разбитого корыта,
В ареале моём – только атавизмы:
И луна над старым садом не забыта,
А деревня еще смутно помнит измы.

Говорят здесь о душе, а также – чести,
Поминают часто бога или чёрта,
И не смотрят телевизор, даже «Вести».
Словом, люди здесь совсем иного сорта.

И ни выжечь, и ни вырвать этих фактов,
В новом веке странно видеть человека:
Он не знает меморандумов и пактов.
Для чего ему опека, ипотека?

Ни к чему ему помешанный мессия,
Бюллетени, урны, выборы, кабина...
Что такое «Справедливая Россия»
Раз «Единая Россия» – не едина?

Отчего-то понимают здесь превратно
Жизнь элиты или разных депутатов:
От Госдумы до Гулага и – обратно,
Губернаторы – ворьё или из катов...

Если здесь родился и не пригодился,
Значит, ходит в бизнесменах или урках.
Если кто-то долго в умного рядился,
Со всем родом он останется в придурках.

Почему-то сохранилась здесь природа,
Избы, дым печной, ни смога, ни тревоги.
Если кто-то, как-то, вышел из народа,
То обратно не найти ему дороги.

Ни к чему ему убогая деревня,
Где Емеля на простор глаза таращит.
Не растут нигде корнями вверх деревья,
И никто добро в могилу не утащит...

Уложу я снова вещи в чемоданы,

Почему-то подступают к горлу слёзы:
На рассвете мне привиделись туманы,
Свежий снег и кони в искрах от мороза...

Новый Pushking

В интернате, ах, простите, – в Интернете,
Мы в корзине, ах, простите, – в паутине.
Лихо бэтмены лихачат в Литсовете.
Новый Pushking не замечен по причине —
Старый Пушкин не прочитан хорошо...

Лихо бэтмены строчат и заполняют
Разудало паутинный мир томами.
Новый Pushking снова старого читает,
Озабоченный строкою и долгами,
Ощущая лишь беспомощность свою...

С каждой книгой он все меньше понимает,
С каждым долгом все стареет и мудреет.
С каждой подлостью все больше прозревает,
Но однажды вдруг прозреет и созреет:
Мудрость мира – есть безумие его...

Жене

Столько сгибло поэтов на поле, что ликуй, воронье, и пируй!
Испражняйся стихами на воле. А не можешь – у мертвых воруй.
Благо много они написали, не успев напечатать, издать.
Кто-то лучше напишет? Едва ли! Это ж надо сперва прочитать...

Так случиться должно было, верно, я и здесь отступать не привык:
Истоцился еврей беспримерно, русский свой забывает язык,
Что-то каркают вороны в Webe, а в журналах сороки трещат.
Я слабею! Пикируют с неба воронята и тьмы сорочат...

Будет холодно, голодно, худо. Отвернутся (подумать!) враги.
Ни в какое не верю я чудо, но взываю тебе – помоги!
Помоги мне собрать свою волю, помоги мне окрепнуть душой.
Я – последний монгол в диком поле, со своей закаленной строкой.

Чуткой мыслью Орда одарила, а затем одарила Москва:
Вместо скучно-незвучного била колокольные дала слова.
И отправила в поле людское, наказав: сохрани, береги!
Все кружит воронье. И с мольбою обращаюсь тебе – помоги.

Хозяйственная сетка

Александрю Александрову,
поэту и боевому офицеру из довоенного Цугола

Помните хозяйственную сетку, наш советский полный соцпакет?
В ней несли соседи и соседки: соль, муку, картошку, сабернет,
Книги и капусту, баклажаны, валенки, стиральный порошок.
Сетка, незаметная в кармане, а вмещала, чуть ли не с мешок.

Нынче в сеть вмещается планета, вся земля – китайский огород.
На просторах славных Интернета облегчён от тяжестей народ:
Долга, чести, родины, заботы... Раздробилась жизнь на много тем.
У кого-то вовсе нет работы, у кого-то – совести совсем...

Раз свобода, значит, окна в клетку: думал, озирая я Москву.
Вспоминал хозяйственную сетку, и увидел сетку наяву:
У метро «Охотный ряд», где пиво и галдят на разных языках,
Шел старик. Степенно, терпеливо нес он сетку в старческих руках.

И свисала сетка, тяжелея, из всех дыр торчали углы книг.
И смотрел, о чём-то сожалея, этот удивительный старик.
Видно: жизнь его прошла по сводкам, выправка военная с войны.
Я читал по орденским колодкам боевую летопись страны...

Продавал он книги, и в «Охотный» дошагал с «Кузнецкого моста».
– Я, – сказал мне, – офицер пехоты, начинал оттуда, где Чита,
Там Онон и Цугол, гарнизоны. Бил японцев, немцев, брал Берлин.
Этот мир, земляк мой, полигоны, где тебя пытаются до седин.

Сетка эта, паря, не простая, в ней вся жизнь родимой стороны.
Ну, бывай... И, молодо шагая, он ушел, как призрак старины.
Я купил все книги, сетку – тоже. В книгах тех – ургуй и сарана...
Был старик поэтом. Я, похоже, заплатить не смог ему сполна.

Дети неба

Откуда эти звуки, веселый хоровод,
Как быстры ноги, руки, что это за народ?
И что это за пляски, все здоровые притом!
А в звуках дивных ласки овеваны теплом.

Какие хороводы ведут вокруг огня
В гармонии природы, монистами звеня!
Какая ночь густая, какая тишина,
А степь вокруг родная луной озарена...

Костёр горит сильнее, быстрее хоровод,
А ночь еще темнее, качается, плывёт...
И чей-то голос дивный, на сердце так светло,
Такие переливы, что душу унесло

На небо, где ты не был, там нет уже земли...
Оттуда дети неба на праздник свой сошли!
И плакал ты, гадая: неужто чудный сон?
Но слушай – голос, тая, уходит в перезвон.

И тает, тает в далях зовущий в небо звук.
А ты в своих печалях все ищешь утром круг.
Неужто не понятно, что минула пора.
В степи чернеют пятна вчерашнего костра...

Беседа

Но что ж, начнем с тобой беседу.
О политическом прогрессе?
Оставим это домоседу,
А также – радио и прессе,
Где все помешаны на мессе.

Ты вспомни дивные картины,
Где в небе птичий гам и клёкот,
Озера, реки и долины,
Туман в степи, в тумане топот
И беспокойный чей-то ропот,

И свист бичей. Так на рассвете
Идут гурты или отары,
И солнцем осени согреты
Парят дворы, поля, кошары.
Там журавлей даурских пары!

Они летят, летят над ними
И машут плавными крылами.
Их нет совсем над городскими,
Таковыми чуждыми, домами,
Где все повязаны долгами...

Что ж плачешь ты, какие беды
Тебя в квартире настигают?
Какой ты ждал еще беседы —
Банкеты, бабы и обеды,
Интриги, жалкие победы?
Жаль, журавли здесь не летают...

Блуждание

Средь сырости и смога
Затеряна дорога,
Которая от Бога
Дана с рожденья мне...
Ах, сколько вокруг блуда,
А с ним сырого люда.
Мне ставят вина, блюда.
Но это в стороне

Моей дороги главной,
Единственной и славной.
А я совсем бесправный,
И не с кем мыслить, петь...
Вокруг меня блуждают,
Сжимают, обнимают,
Как будто понимают,
Что вдруг могу взлететь...

Но я об этом знаю
И знаю, что блуждаю.
Брожу как бы по краю
Я взлётной полосы.
Когда-нибудь решенье
Приму, начав движенье,
Отбросив окруженье...
Вот это будет взлёт!

Не умирают во мне...

Кони бегут и бегут вдоль Онона.
Ханское золото древней земли —
Тысячелетья горят раскалёно
Солнцем палимые здесь ковыли.

Будто бы чужа невзгоды, походы,
Кони свой бег замедляют опять.
Через века оживают народы,
Время бежит и бежит во мне вспять.

Сильные воины, женщины, дети —
Тысячи смуглых, воинственных пра...
Скачут и скачут до края планеты,
Пляшут, смеясь, у ночного костра.

Снова живут во мне бабушки, деды,
Пращуры – воины и пастухи
Не умирают во мне! Их победы,
Их поражения, песни, стихи...

Снова смеются, рожают и плачут.
Радостный праздник при полной луне.
Не умирают во мне, и всё скачут
Предки до края планеты. Во мне!

В ЭТИ МИНУТЫ

Что тебе вспомнилось в эти минуты?
Город купается в дымном аду.
В памяти: с Унгерном скачут баргуты,
Или же Блок умирает в бреду?

Канта читавший, читающий Ницше.
Где твой Конфуций, и твой Геродот?
Всё в этом мире ни ниже, ни выше,
Всё мягкое вечно, что твердо пройдёт.

Стоимость больше, когда мы прибавим:
Всем нам по Марксу дрянная цена.
К дьяволу хитрости! Предков восславим,
Это другая совсем сторона...

Где-то на Рейне создали ученье,
Здесь отравился от водки мужик.
Лучше напишем мы стихотворенье,
Лучше изучим китайский язык.

Вспашем мы землю. Но что наши предки
С неба пророчат, о чем говорят?
Что же, друзья, вспоминаете редко
Пахарей мирных, отважных солдат?

В эти минуты забудь маргиналов.
Ты же – потомок, ты совесть и честь!
К дьяволу подлости оригиналов.
Есть твои предки, и Родина есть...

Ни ругаться не надо, ни ссориться...

Ни ругаться не надо, ни ссориться.
Чаевать бы, беседы вести!
Никогда и ни с кем мне не спорится
На моем достославном пути.

И общаться с Толстым или Гоголем:
Говорить или книги читать.
Не ходить мне разряженным щёголем
И за пазухой камень держать.

Ничего на земле нет отраднее:
Одиноко в ночной тишине
Улетать в небеса неоглядные
И зимой тосковать о весне.

А потом, будто Богом отпущенный,
Возвращаться на землю опять,
И затертую книжечку Пушкина
Будто заново вновь открывать...

Процесс

Ну, не хочет жизнь отдать, но и не надо.
Значит, не для этого рождён и не затем.
В этом деле лишь одна дана награда —
И к тому ж она безденежна совсем,

И к тому же дивиденды все в процессе
Бесконечного и тяжкого труда,
Где не думая о пище и прогрессе,
Он работает... И это навсегда!

Он – поэт, и вне пределов государства —
Стойла, яслей политических систем,
Тюрем рабства, снисходительного барства
Всех рабов. Но божий раб извечных тем...

Без гарантий и опоры! Населенье
Непрестанно суетится и кишит.
Он совсем один, и всем на удивленье
Почему-то в гости к Богу не спешит.

Огибая

Неприметно не спеша, не спеша
Чуть вздыхая, а порой чуть дыша,
Аккуратно всех людях обходя,
Огибая даже струйки дождя,

Он проходит и выходит сухим,
Неприметным, никаким, никаким.
Всюду – разговорчики, дела.
Вот и жизнь обогнул. Так – прошла...

Заочники

Какое это чудо:
заочники идут!
Им все заочно будет —
езде и там, и тут.
И каждый будет пьян!

Баулы и пакеты,
застолья и банкеты.
И пьяненький профессор —
воинственный агрессор,
В салате спит декан!

Кому-то все гулять бы,
и тут же грянут свадьбы:
Начальники милиций
берут жен из провинций...
Такие, брат, дела!

На очной ставке с Богом,
последней, очень строгой:
– Какие знал науки?
Дрожат с похмелья руки.
Заочно жизнь прошла...

Это в сердце

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.